

Тихая комната, две чашки горячего чая. Двери и окна выходили во внутренний двор, за белыми занавесками виднелись ряды зелёного бамбука, дорожка, выложенная мелкой галькой, а густая тень создавала прохладу. У окна стоял молодой человек лет двадцати с небольшим, с волосами, собранными в пучок, но с явными чертами северянина: светлая кожа, высокий нос, слегка каштановые вьющиеся волосы. Однако его одежда была полностью в стиле южных учёных, а лицо утончённым и изысканным, с глазами, словно звёзды весенней ночи, сияющими с улыбкой, и с мягкостью, редко встречающейся среди южных учёных. Он развернул письмо и произнёс:

— Я — Инь Усяо.

Лэ Юй сказал:

— Нехорошо.

Врач Инь широко раскрыл глаза, с любопытством спросив:

— Почему так?

Лэ Юй ответил:

— Ты врач, который лечит и спасает людей, но тебя зовут Инь Усяо [Бесполезный]. Кто же тогда будет принимать твои лекарства?

Он задумался:

— Но я не могу же называть себя Инь Юсяо [Эффективный] или Инь Цзясяо [Действенный], верно? Это было бы хвастовством.

Лэ Юй сказал:

— Хотя ты не можешь изменить имя, ты можешь изменить фамилию. Например, на Кун. Кун Усяо [Страх бесполезности] звучит и как признак хорошего врача, и как проявление скромности.

Врач Инь вздохнул и сказал:

— Вы, люди из Центральных равнин, говорите: «Перед мудрым человеком не говорят тёмных слов».

Лэ Юй ответил:

— Я тоже чувствую, что у меня есть связь с наставником Северной Хань. Менее чем за полмесяца после отъезда с острова я встретил три четверти его учеников.

Он наклонил голову и с насмешкой добавил:

— Не так ли, врач Инь? Или, может быть, я должен называть тебя, четвёртый господин Кун?

Инь Усяо снова вздохнул:

— Ах.

Из четырёх учеников наставника только последний изучал медицину. Его последний ученик, Кун Фэйбин, был известен в Северной Хань как «Маленький мастер», унаследовавший медицинские знания своего учителя. Однако несколько лет назад из-за спора вокруг медицинской книги четвёртый господин Кун покинул школу и исчез из виду. Оказалось, что он намеренно проиграл себя Гу Саню.

Гу Сань признался:

— Когда он предложил мне пари, я был удивлён. Но мне очень хотелось заполучить его книгу «Циннан Ицзин». Кто бы мог подумать, что он поставил на кон не книгу, а самого себя? Что мне оставалось делать?

Лэ Юй почувствовал в этом что-то странное и в шутку спросил:

— Как ты, будучи коллегой по медицине, оцениваешь то, что «Маленький мастер» Кун Фэйбин покинул школу?

Инь Усяо с кислым выражением лица опустил голову и сказал:

— Это произошло потому, что между учителем и учеником возникли непреодолимые разногласия в понимании медицинского пути.

Окна были чистыми, и солнечный свет проникал сквозь них, отбрасывая тени от бамбука. Он был одет в зелёную одежду, его кожа была светлой, а вокруг него витал лёгкий аромат лекарств, создавая приятную атмосферу. Видя, как этот элегантный человек с грустью в глазах и слезами на глазах вызывает сочувствие, Лэ Юй не мог не восхищаться.

После долгого молчания он сказал:

— Тогда у меня больше нет вопросов. Давай приступим к осмотру.

Он закатал рукав и положил запястье на подушку для пульса. Инь Усяо, напротив, улыбнулся. Его улыбка была сдержанной и скромной, когда он положил три пальца на запястье и сказал:

— Господин Лин, кстати, как ты предлагаешь лечить тоску?

Его пальцы были нежными, как весенние орхидеи, и Лэ Юй почувствовал облегчение:

— Есть два способа.

Инь Усяо спросил:

— Могу ли я узнать подробности?

Лэ Юй ответил:

— Есть только два способа избавиться от тоски: либо состариться, либо умереть. Проживи десять лет, и ты уже не будешь так привязан к Гу Саню; а если через десять лет ты всё ещё не сможешь отпустить его, то, чтобы избавиться от тоски, тебе останется только повеситься на поясе или вернуться к своей профессии врача и принять смертельную дозу яда, чтобы покончить с этим раз и навсегда.

Инь Усяо некоторое время молчал, затем медленно убрал руку и, глядя на Лэ Юя, вежливо сказал:

— Господин Лин, ты действительно прямолинеен.

Лэ Юй ответил:

— Я тоже так думаю.

Инь Усяо, сохраняя интригу, с лёгкой радостью сказал:

— К сожалению, господин Лин, у тебя есть мастерство, знания и красноречие, но тебе не хватает удачи.

Он продолжил без паузы:

— Не кажется ли тебе странным, что гу в твоём теле в последнее время особенно спокойно, даже когда ты находишься рядом с другой стороной, у которой есть женский гу?

Лэ Юй пристально посмотрел на него:

— Что ты обнаружил, врач Инь?

Инь Усяо скромно ответил:

— Это не такая уж большая проблема. Просто я обнаружил, что помимо гу, ты ещё отравлен. Этот яд мне знаком, но не спеши радоваться — его уже не вылечить. Через месяц он может активироваться в любой момент, а для приготовления противоядия потребуется не менее трёх месяцев. Я предполагаю, что это сделал Мо Ецянь, но я не знаю, кому он дал вторую часть яда. Этот яд успокаивает гу, потому что и гу, и этот яд предназначены для того, чтобы ты зачал ребёнка с кем-то. Я советую тебе, если у тебя есть женский гу, и если тот, кто отравлен тем же ядом, — это один и тот же человек, то, учитывая твой опыт в любовных делах, такая удачная судьба — редкая возможность. Лучше преврати беду в радость и осесть с ней, пожениться и завести ребёнка.

Он говорил легко и уверенно, а Лэ Юй не мог ничего возразить. Кому была дана вторая часть яда — принцессе Яогуан или кому-то ещё? Яд, предназначенный для зачатия ребёнка, вероятно, был дан ему и другой женщине. Он раз за разом повторял это имя:

— Мо Ецянь...

Инь Усяо сказал:

— Если он дал тебе «корень страсти», значит, он ненавидит тебя до глубины души.

Лэ Юй внезапно рассмеялся:

— Я только отрубил ему два пальца.

Инь Усяо, оставаясь в стороне, сказал:

— Тогда тебе стоит быть осторожным. Он очень мелочный человек. Дать тебе «корень страсти» и разрушить твою репутацию — это лишь малая часть мести за то, что ты отрубил ему пальцы.

Лэ Юй сказал:

— Если он посмеет появиться передо мной снова, то осторожным должен быть он, а не я.

Затем он спросил:

— Что произойдёт, если яд активируется, а тот, кто получил вторую часть, не будет рядом?

Инь Усяо ответил:

— Ты будешь чувствовать беспокойство и не сможешь сдерживать себя. Но с твоим уровнем мастерства, если ты не столкнёшься с другим человеком, ты, вероятно, сможешь контролировать себя.

Лэ Юй решил, что второй человек, получивший «корень страсти», — это принцесса Яогуан, и Мо Ецянь ненавидит её за то, что она не помогла ему. Хорошо, что, хотя он видел её лишь раз, он верил, что она сдержит своё слово, и теперь она уже не в Южной Чу.

Она женщина, и её репутация важна. Она пострадает больше, чем я. Лэ Юй подумал, что, к счастью, они находятся на расстоянии тысяч ли, и даже если яд активируется, она не пострадает из-за меня. Это счастливое стечение обстоятельств.

Лэ Юй сказал:

— Есть ещё одна вещь.

Он добавил:

— Я вижу, что твоя клиника довольно пуста. Почему бы мне не остаться здесь?

Он подтолкнул футляр с цитрой и сказал:

— Эта цитра принадлежит Гу Саню. Я оставлю её тебе на время, чтобы ты мог наслаждаться ею, немного облегчить тоску, а также использовать её как плату за жильё. Это будет взаимовыгодно.

Инь Усяо смотрел на футляр с цитрой, чувствуя глубокую печаль, и сказал:

— Могу ли я отказать?

Лэ Юй ответил:

— Нет.

Он посмотрел на Инь Усяо, затем на себя и сказал:

— Потому что ты проиграл ему, а он проиграл мне. И я случайно узнал, что эта клиника на самом деле принадлежит Гу Саню.

На его веере была печать с личным знаком Гу Саня, выгравированным красными иероглифами. Инь Усяо подумал: «Ты используешь пустяк как предлог, чтобы воспользоваться Павильоном Весеннего Дождя». Он намеревался быстро отделаться от Лэ Юя, но неожиданно разговор затянулся до заката. Он сам распорядился поставить две бамбуковые кровати у пруда, под деревом пурпурной магнолии, и они с Лэ Юем пили вино и наслаждались прохладой ночи.

Инь Усяо был самым искусным врачом, которого знал Лэ Юй, но при этом у него было меньше всего пациентов. На следующее утро Лэ Юй вышел, размахивая веером, а Инь Усяо, держа в руках миску рисовой каши, углубился в чтение медицинской книги. Лэ Юй спросил:

— Ты дошёл до такой бедности?

Инь Усяо ответил:

— Бедность — это благословение. Если господин Лин считает это слишком простым, я могу добавить тебе пару пилюль «Десяти совершенных тонизирующих средств».

Лэ Юй вышел, не сказав ни слова, а Инь Усяо с радостью спросил:

— Господин Лин решил переехать?

Лэ Юй ответил:

— Врач Инь, ты слишком многого хочешь. Я иду в Сад Гэнъе.

Сад Гэнъе, как и его название, ночью был наполнен светом и огнями, а днём выглядел пустынным. В саду были искусственные горы и озёра, высокие павильоны, и звуки музыки и танцев доносились с ветром. В конце песчаной дорожки, окружённой ивами, был длинный извилистый мост, ведущий к беседке над водой. За беседкой стояло здание, похожее на лодку, с надписью «Шуцзин».

Семнадцатилетняя служанка привела человека с обычной внешностью, но высокого и стройного, с непринуждёнными манерами, в переднюю комнату. Она тихо позвала, и появилась девушка лет пятнадцати, которая провела его внутрь, шепотом сказав:

— Госпожа, господин Лин пришёл.

<http://bllate.org/book/15272/1348058>